

@ 1995 г.

А.А. ЗИНОВЬЕВ

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРИИ ЗЛА» (ОЧЕРК РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ)*

Принято считать, будто поражение Советского Союза и его сателлитов в «холодной войне» доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не доказательство нежизнеспособности и несостоятельности коммунистического типа общественного устройства. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не доказательство преимуществ капитализма. Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе достоинства капитализма. Но победа Запада над Советским Союзом не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная война» была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Можно привести примеры противоположного характера, которые логично истолковать как «доказательство» преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причём в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. «Холодная война» даже отдалённо не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в «холодной войне».

Последующее развитие событий показало что понимание сущности исторического процесса в период «холодной войны» как борьбы двух социальных систем — капитализма и коммунизма было поверхностным и в конечном счете ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада

**Продолжение. Начало см. в №№ 10,11 1994г*

поскольку сопротивляющийся Заваду и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Поэтому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы.

Но наиболее важный, на мой взгляд, урок «холодной войны» состоит в том, что обнаружилась самая глубокая цель Запада в этой войне — разрушение Советского Союза и России с любым социальным строем. Коммунизм был удобным предлогом и прикрытием сути войны. Кроме того, коммунизм был настолько органичен для России, настолько прочно вошел в образ жизни и психологию русских, что разрушение коммунизма было равносильно разрушению России и, русского народа как народа исторического. Почти с полной откровенностью об этом было сказано в «Законе о порабощенных нациях», принятом Конгрессом США в 1959 году: в нем прямо говорилось о борьбе с русским империализмом, причем — на территории исторического государства Российского, которое существовало в своей последней форме как Советский Союз. Одним словом, целились в коммунизм, а убивали Россию.

«Теплая война»

С окончанием «холодной войны» не прекратилась борьба Запада против Советского Союза. Наоборот, она усилилась и вступила в новую фазу, которую я назвал «теплой войной». Она охватила прежде всего сферу идеологии.

Советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще. Идеологическое оболванивание западных людей не уступает таковому в коммунистических странах, а во многом превосходит последнее.

В Советском Союзе в массе населения всегда процветало низкопоклонство перед Западом. Государственная идеология боролась против него и сдерживала хотя бы формально. С началом кризиса (т.е. «перестройки») произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии. Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее примеру и по ее указаниям. Были сняты запреты на преклонение перед Западом. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофилию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их стали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним стали обращаться за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Советская официальная идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массовой идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали пере-

бегать к противнику. Началась беспримерная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Новая идеология («новое мышление») стала внедряться в практику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советское руководство вступило в конце концов на путь насильственной западнизации страны, стало насаждать западные политические формы и социальные отношения.

Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе до этого не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневой экономики», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации. Начавшийся позднее энтузиазм по поводу ломки всего советского был результатом новой антисоветской и антикоммунистической пропаганды и массового помутнения умов, а в верхах власти — просто желанием угодить западным хозяевам, без поддержки которых они давно были бы выброшены на помойку истории

Кризис

Послужив толчком к развязыванию кризиса, горбачевская политика перестройки сама стала главным источником кризиса и его самым сильным проявлением. Начавшись с идеологии и морального состояния общества, кризис углубился до самых его основ, охватив систему власти и управления и социальную организацию населения.

Был нарушен фундаментальный принцип владения. Поощрение форм владения, приближающихся к форме частной собственности, в огромной степени способствовало разрушению коллективистских оснований коммунизма. Нарушилась стабильность социальной структуры населения и механизма ее воспроизводства. Произошла та самая дестабилизация общества, о которой так долго мечтали на Западе. Усилилась сверх меры ненадежность социального положения людей, ослабли гарантии удовлетворения минимальных потребностей. Ослабла заинтересованность массы людей в жизни их трудовых коллективов. Произошло ослабление и порою даже разрушение прикрепленности граждан к своим коллективам, а также ослабление власти коллектива над индивидом. Произошло вопиющее нарушение принципов вознаграждения за труд и распределения жизненных благ.

Кризис власти (государства) проявился прежде всего в том, что стало невозможно сохранять ее как единое и слаженное целое. Во власти всегда происходила борьба группировок. Но вовне власть всегда выступала как единое целое. Теперь она раскололась на всеобщее обозрение, и внутренние конфликты стали предметом всеобщего достояния. Группировки проявили непримиримую вражду по отношению друг к другу. Высшая власть утратила прежний контроль над нижестоящими подразделениями. Стержневая часть утратила прежний контроль над прочими ответвлениями власти. Органы порядка перестали выполнять свои функции на должном уровне. Милиция оказалась неспособной бороться с ростом преступности. Органы государственной безопасности оказались бессильными бороться против нарастающих антигосударственных и антикоммунистических умонастроений и действий.

Власть сама усилила этот аспект кризиса, реабилитировав прежних диссидентов и присвоив себе их разоблачительные функции. Заигрывания с Западом породили серию либеральных жестов, поощрив тем самым бунтарские, антигосударственные, антипартийные и антикоммунистические силы в стране. В том же направлении действовали разоблачения сталинизма и брежневизма. Расчеты власти на завоевание популярности не оправдались. Наоборот, она потеряла авторитет в глазах населения.

Разоблачения сталинистов и брежневистрв фактически наносили удар по власти вообще. Начались такие массовые нападки на власть, каких не было за всю советскую историю. Они приняли откровенно антикоммунистический характер.

В самой сильной степени кризис власти затронул ее стержневую часть — партийный аппарат. Он утратил былой контроль за системой власти и оказался изолированным от управляемого общества. На него взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, обвинения их в коррупции, бюрократизме и консерватизме относились прежде всего к работникам партийного аппарата. Антипартийные и фракционные выступления членов партии и даже представителей органов власти стали обычным делом. За них никто не наказывался ощутимым образом. Многие стали демонстративно выходить, из партии.

Антикоммунистические выступления и неподчинение властям перестали даже удивлять. На выборах в Советы кандидаты партийных органов стали терпеть сокрушительное поражение. Допущение формы выборности в отношении невыборной по существу власти поставило всю профессиональную власть на грань катастрофы.

Политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Началось безудержное и бесконтрольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святынь советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены осмеянию. Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Короче говоря, с марксизмом-ленинизмом обошлись чуть ли не как с враждебным идеологическим учением. Одновременно началось столь же безудержное заимствование идей из западной идеологии.

Неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватил самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулировать сверху. И это несмотря на то, что многие положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно.

Были потеряна эпохальная цель общества — его ориентация на «полный коммунизм». Доминирующим стало состояние беспросветности. Идейные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ. Разрушилось также осознание исторической миссии советского народа и осознание внешнего эпохального врага. Советские люди стали видеть коммунистический идеал на Западе. Все то, что советская идеология и пропаганда с полным основанием утверждала о реальном капитализме и о Западе, стало восприниматься как идеологическая ложь, а идеологическая ложь и дезинформация, идущая с Запада, — как святая правда.

Социальный кризис особенно ощутимо проявился в сфере экономики. Подчеркиваю, это не экономический кризис, а именно проявление социального кризиса в экономике. В основе его лежат сами принципы организации общества — системность, плановость, единое и централизованное управление, социальная организация людей. Внешним проявлением кризиса выступает усиление обычных экономических трудностей сверх всякой меры. Но сущность его заключается в отступлении от коммунистических методов в экономике и в стремлении преодолеть экономические трудности капиталистическими методами. Нет надобности перечислять эти отступления, они общеизвестны.

В обществе сложилась ситуация, которую можно было бы назвать революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота. Но таких предпосылок не было. И массы устремились не вперед, не в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация могла породить только одно: попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. С точки зрения эволюции коммунизма массы выступили как сила глубоко реакционная. Естественно, и вожди масс, отражающие их умонастроения, выступили с лозунгами, которые нисколько не считались

с внутренними закономерностями и возможностями страны. Все идеалы ими были заимствованы в дореволюционной России, которую они идеализировали, и на Западе, причем не в западной реальности, которую они плохо знали и совсем не понимали, а в западной идеологии и пропаганде, рассчитанной на простаков из коммунистических стран.

Постсоветский период

Период российской истории, начавшийся в 1985 году, разделяется на две части. Она персонифицирована именами Горбачева и Ельцина. Эти два человека дали свои имена новому периоду российской истории не в качестве выдающихся личностей, а, наоборот, в качестве самых явных порождений советского периода. Возглавляемые ими команды развязали, мобилизовали самые разрушительные силы и страсти советского и затем российского общества, опираясь на которые они направили страну на путь капитуляции перед Западом и превращения страны в зону колонизации Запада. Не случайно они удостоились самых высших похвал на Западе.

Читатель не должен воспринимать мои слова всего лишь как субъективное мнение. Это точная научная характеристика данных личностей, созданных ими социально-политических режимов. Наше время характеризуется поразительным стремлением уклониться от познания сущности социальных явлений, всеобъемлющим страхом перед истиной. Прилагаются колоссальные усилия к тому, чтобы создать извращенные представления о реальности, феномены которой и без того (т.е. сами по себе) принимают извращенные формы. Современные средства массовой информации превратились в мощнейшее орудие дезинформации и идеологического оболванивания человечества. Одним из проявлений этого стало стремление осерьезнить социальные феномены, поднять их в сознании масс на высочайший теоретический уровень, в то время как на самом деле они адекватно должны быть описаны и оценены как явления исторической клоаки.

Перестройка

С первых же шагов перестройки стало очевидно, что ее позитивные намерения (если таковые были на самом деле!) — поднять страну на уровень богатейших стран Запада путем некоего ускоренного развития — в принципе неосуществимы в имеющихся условиях. Вместо ускоренного прогресса начался стремительный регресс во всех основных аспектах жизни общества. Естественно, стали искать не объективные причины этого ухудшения, а виновников, якобы препятствовавших осуществлению замечательных планов горбачевской клики. И нашли их в сталинистах, брежневистах, одним словом — в неких консерваторах. Вот если бы не эти наделенные всеми мыслимыми недостатками исчадия сталинизма, то с молниеносной быстротой Советский Союз приобщился бы к высотам мировой цивилизации!

Зато разрушительная часть перестройки прошла чрезвычайно успешно. Остановлюсь кратко на основных, на мой взгляд, «достижениях» на этот счет.

Теперь принято считать, что «холодная война» закончилась, и что основная заслуга в этом принадлежит Горбачеву и его команде. Но при этом помалкивают о том, в чем именно заключалась эта «заслуга». Пройдут годы, и потомки оценят их роль по достоинству, а именно — как беспрецедентное в истории человечества предательство интересов своей страны и своего народа. Я не знаю в истории другого такого случая предательства, который по масштабам и последствиям можно было бы сопоставить с этим. Если бы лидеры Запада назначили на пост главы советского государства своего собственного политика, убежденного антикоммуниста, он не смог бы нанести такой ущерб Советскому Союзу и советскому народу, как это сделал Горбачев и его окружение. Они действовали как опытные партийные аппаратчики, со знанием дела,

используя всю мощь власти, какой обладало коммунистическое государство. Явление поистине поразительное, никак не укладывающееся в рамки здравого смысла: могучее коммунистическое государство использовалось как орудие разрушения общества, которому оно обязано своим существованием и охранять которое было его священным долгом!

Результатом окончания «холодной войны» явилось то, что распался советский блок в Европе, и Советский Союз утратил свою роль второй сверхдержавы планеты. И главную роль в этом сыграла не мудрость и мужество лидеров Запада, а предательская внешнеполитическая стратегия советского руководства. Оно по своей инициативе, добровольно, капитулировало перед Западом, само приползло на коленях к противнику со слезными мольбами принять добровольную капитуляцию. На Западе не ожидали такого подарка. Это было сделано с поистине русской щедростью. Это была своего рода антиатака на Запад: мол, возьмите все, что мы имеем, причем даром, даже с приплатой.

Во внутривластной стратегии главный удар был направлен на разрушение советской системы государственности. Все преобразования высших органов власти, происходившие по инициативе Горбачева, вели в одном направлении— создания аппарата сверхвласти, находящегося вне партийного аппарата и подчиняющего его себе. Самыми значительными шагами и этом направлении были, во-первых, создание президентской системы правления и, во-вторых, исключение из Конституции пункта о руководящей роли КПСС, низведение КПСС до статуса просто партии, допущение других политических партий (многопартийности) и лишение КПСС монополии на власть. Это произошло на чрезвычайном Съезде народных депутатов в марте 1990 года.

В июле того же года состоялся XXVIII съезд КПСС, На нем консерваторам во главе с Лигачевым было нанесено окончательное поражение, они оказались выброшены из руководства партией. Путь к реализации амбиций Горбачева, казалось, был расчищен. Но новая организация органов власти, удовлетворив амбиции Горбачева в отношении его личного положения в них, оказалась непригодной для задуманных преобразований и вообще для управления страной нормальным образом. Получилась аморфная структура власти, заполненная к тому же дилетантами. Дабы компенсировать слабость новой власти, начались бесконечные горбачевские требования чрезвычайных полномочий. И он их получал.

Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР и главной вооруженных сил, Горбачев с самого начала своего правления получил в собственные руки всю полноту власти. Казалось, что еще нужно?! А между тем вся история его правления состояла в том, что он просил и требовал предоставить ему ту самую полноту власти, которую он, казалось, имел изначально. В чем тут дело? Дело в том, что власть Горбачева в любом ее облике была властью кризисной. Он, как и вслед за ним Ельцин, впал в иллюзию, будто все проблемы страны можно было решить путем махинаций с системой власти. Полнота власти тут приобреталась формально, а не практически. Она была достаточно сильна, чтобы производить разрушительные действия, но слишком слаба, чтобы делать что-то позитивное, созидательное. Она все время казалась недостаточной, поскольку ее нельзя было употребить в дело должным образом и поскольку сам факт предоставления полномочий не делал подвластных покорными без применения орудий реальной власти, которая разрушалась. Если бы Горбачев был наделен полномочиями императора или даже фараона, суть дела от этого не изменилась бы.

Вместо разрушенной коммунистической политической системы возникла не демократическая форма власти западного образца, а лишь ее карикатурная имитация. В республиках бывшего Советского Союза, включая Россию в первую очередь, сложились так называемые президентские системы власти, ничего общего не имеющие с президентской системой США или Франции, а именно — диктаторские режимы, по сравнению с которыми брежневский режим выглядит как вершина либерализма,

Рухнули прежние структуры профессиональной системы управления. На их месте возникли дилетантские структуры, не имеющие достоинств прежних, но зато усилившие их недостатки. Новые правители с удесятенной силой, сравнительно с предшественниками, ринулись удовлетворять свои хищнические аппетиты. К ним присоединилось огромное число (если не большинство) прежних чиновников партийного и государственного аппарата, молниеносно изменивших свою политическую ориентацию. Гигантский хамелеон советской системы власти лишь изменил свою окраску применительно к новым условиям. Под другими названиями и в ухудшенном виде в республиках возродились тоталитарные режимы, обрядившиеся в оболочку антикоммунизма и национализма и утратившие черты прежней законности.

Вожди этих режимов обнаружили полную некомпетентность в управлении своими странами. Любой ценой удержать власть лично для себя и для своих сообщников — такова единственно реальная подоплека всей их руководящей суеты и демагогии. А цена эта — разрушение и разграбление своей страны под диктовку Запада, без поддержки которого они давно были бы выброшены на помойку истории.

Вместо обещанного сокращения и удешевления аппарата власти произошло противоположное — он стал неумолимо разрастаться, а расходы на него увеличились за несколько месяцев в несколько раз сравнительно с прежними. Новые властители первым делом увеличили себе зарплату и прибрали к рукам все привилегии прежних работников власти. Они стали пользоваться внеочередностью везде и во всем, летали бесплатно на самолетах. В их распоряжении оказались лучшие гостиницы и санатории, бесплатные автомашины, заграничные паспорта, специальные больницы и т.п. Трудно назвать депутата-демократа, который не побывал бы несколько раз на Западе и не привез бы оттуда дефицитные в Советском Союзе вещи, продававшиеся затем за огромные деньги. Даже западные газеты с удивлением писали о том, что новые советские правители в огромном числе открыли себе счета в западных банках. Демократы завладели закрытыми распределителями продуктов, им досталась львиная доля строившихся квартир.

Демократы устроили зловонную травлю бывших работников партийного аппарата КПСС, заполнив этим все средства массовой информации, включая органы самой КПСС. Одним словом, получилась не демократия западного образца, а лишь ее имитация в советском духе, лишь вывернутая наизнанку прежняя система. Работало лишь то, что как-то осталось от прошлого, только много хуже, чем раньше.

В истории не раз имели место случаи, когда заведомо безумные и жульнические планы завладевали умами правителей. Это обычно происходило в критические периоды жизни стран и народов. С первых же шагов перестройки обнаружили трудности в осуществлении ее позитивных намерений и разрушительные последствия. И было бы удивительно, если бы в таких условиях не стали появляться шарлатанские и шизофренические планы преобразования. И они стали появляться, причем один глупее другого. Все рекорды на этот счет побил план «500 дней», авторство которого приписывают Г. Явлинскому, С. Шаталину и Н. Примакову. Согласно этому плану, Советский Союз в течение пятисот дней должен был превратиться из коммунистической страны в страну капиталистическую, причем на уровне передовых западных стран. На Западе этот план хвалили, ибо понимали, что претворение его в жизнь привело бы к молниеносному краху советского общества. Горбачевцы от этого плана отказались, поскольку абсурдность его была очевидна даже им. Но они не отказались от идей введения «рыночной экономики» и приватизации, которая стала витать в их сознании как панацея от всех бед. В результате в стране стала стремительно деградировать старая экономическая система, уступая место экономике криминальной.

Вместо разрушенной коммунистической (плановой и командной) экономики возникла не рыночная экономика, к какой призывали новые лидеры и хозяева страны, не имевшие ни малейшего понятия о механизме реальной рыночной экономики западных стран, а лишь ее карикатурная имитация. По существу же эта экономика явилась лишь легализацией «теневого» экономики брежневских лет, а также расцветом

мафиозных структур, грабящих страну совместно с представителями экономической интервенции со стороны Запада. Началось разбазаривание всего ценного, что было создано трудом, умом и талантом народа за годы советской истории. Жизненный уровень масс населения стремительно снизился сравнительно с брежневскими годами, которые теперь стали вспоминаться как «Золотой век» русской истории. От всего этого выгадало ничтожное меньшинство населения, — преступники, нажившие в считанные дни баснословные богатства. Но возникли эти богатства не за счет подъема экономики и роста производства, а за счет упадка и краха производства, т.е. путем ограбления масс рядовых граждан и накопленных ранее ресурсов страны.

Результатом политики горбачевских реформ явилось не новое устойчивое состояние общества, а его дальнейшая дестабилизация, превысившая всякие допустимые границы. Плохо ли—хорошо ли, но общественный механизм до этого как-то работал. Его детали были как-то скоординированы. Реформаторская же суета разрегулировала его окончательно. Горбачевцы вели себя подобно некомпетентным в технике авантюристам, которые хаотически заменяют устаревшие детали в устаревшей машине новыми деталями, игнорируя принципы работы машины как целого. Прибегая к другому образному сравнению, горбачевское руководство оказалось подобным обезумевшему капитану, который направил свой корабль в минуту опасности на гибельные рифы.

Но самый страшный результат того, что произошло после 1985 года в нашей стране, — это моральное, психологическое и идейное разложение основного населения страны. Люди уже не могут сознаться в том, что совершили эпохальную глупость, добровольно поддавшись влиянию реформаторов и их западных наставников. Теперь они в отчаянии от того, что произошло. Но в России просто нет авторитетных для них сил и вождей, которые могли бы указать им приемлемый выход из катастрофического положения и за которыми они могли бы пойти.

Фактор предательства

В 1985 году Горбачев посетил Англию. Он не пошел на могилу Маркса, родоначальника коммунистической идеологии, которая была государственной идеологией Советского Союза и КПСС. Вместо этого он отправился на прием к королеве. Я по этому поводу сказал в каком-то интервью, что начинается эпоха великого исторического предательства. На Западе это расценили как некое прозрение. Это чепуха. Никакого прозрения не было, ибо не было никакого ослепления. Началось самое настоящее массовое, расчетливое, продажное предательство из самых низменных интересов.

Предательство совершили прежде всего высшие руководители страны, работники партийного аппарата, идеологические вожди и представители интеллектуальной элиты. Рыба, как говорится, начинает гнить с головы. Те люди, которые выбрались на высоты власти, делали карьеру в партийно-государственном аппарате, по его законам. Их само собой разумеющейся обязанностью было сохранять существующий социальный строй страны, систему государственности и идеологию. Это были их строй, их власть, их идеология в первую очередь. Население страны привыкло жить с естественной, уверенностью, что их вожди так или иначе будут в интересах самосохранения и сохранения страны выполнять свой долг. Но произошло нечто невероятное; до сих пор свирепо расправлявшаяся со всеми, кто покушался на социалистический строй, государственность и идеологию страны, власть сама стала нападать на эти основы общества с таким остервенением, какое даже не снилось ее заклятым врагам. Что это? Прозрение?!

В истории человечества реформаторы — обычное дело. Были реформаторы всех сортов. Но еще не было случая, чтобы высшая власть сама сознательно ломала основы своего, подвластного ей общества. Так делали только предатели. Нормальный исторический процесс выглядит следующим образом: в обществе постепенно проис-

ходят перемены, реформаторы приводят какие-то элементы его организации в, соответствие с этими переменами. Ничего подобного не было в данном случае. Советские реформаторы стали насильственно насаждать в стране совершенно чуждые ей формы жизни, заимствованные даже не из западной реальности, о которой они имели весьма смутное представление, а из западной идеологии и пропаганды, рассчитанной на незападных простаков. И делали они это по указке врагов страны, перед которыми они капитулировали, которым без боя сдали способную к самообороне страну.

Представьте себе такую картину. Две армии ведут сражение друг против друга. Исход войны еще не предопределен. И вдруг командование одной из этих армий вместе со своим штабом перебежало к противнику и стало активно и со знанием дела помогать последнему громить преданную им армию. Нечто подобное, только в грандиозных глобальных и эпохальных масштабах произошло с советским высшим руководством с приходом горбачевских реформаторов к высшей власти.

Представьте себе теперь такую картину. Римский Папа выходит на площадь Св. Петра в Риме и говорит собравшимся следующее: «Дорогие католики, я должен заявить вам, что никакого Бога нет, что католическая церковь есть преступная организация, и я распускаю ее». Как вы оцените поведение такого Папы? А ведь именно в таком духе стали высказываться советские идеологи!

Предательство было далеко небескорыстным. Предателями стали прежде всего образованные люди, занимавшие сравнительно высокое положение в советском обществе. За свое предательство они получали возможность приспособляться к новым обстоятельствам, становиться известными, делать карьеру, получать денежные подачки в виде баснословных гонораров.

Мощнейшим орудием Запада в его деятельности по разложению советского общества было воздействие на тщеславие советских людей. Я бы назвал это искушением известностью. Многие влиятельные личности поддались ему с поразительной легкостью и силой. На Западе использовали эту слабость советских политических, общественных и культурных деятелей, подобно тому, как западные колонизаторы и завоеватели использовали слабость американских туземцев к алкогольным напиткам. Они спаивали туземцев, приобретая порою огромные территории и несметные богатства за бутылку «огненной жидкости».

На удочку известности сначала клюнули советские диссиденты. Их примеру последовали деятели культуры и спортсмены. «Мировой славе» их позавидовали партийные и государственные чиновники. Они ринулись к «огненному напитку» славы, отталкивая диссидентов, критиков режима, писателей, музыкантов и всех прочих, чьи имена до этого мелькали в западных средствах массовой информации. Они превзошли своих предшественников, вырвав из их рук знамя антисоветизма и антикоммунизма. Чемпионом в этом деле борьбы за «огненный напиток» славы стал глава Советского государства и глава КПСС Горбачев, удостоенный за свое беспрецедентное предательство званий Человека года и Человека десятилетия и множества почетных званий.

Платой стало то, что бесчисленное множество людей, ранее не имевших шансов сделать карьеру и нажиться материально, получили возможность занять посты во вновь формировавшейся системе власти, со всеми ее привилегиями и источниками доходов. Короче говоря, эпидемия предательства, овладевшая с молниеносной быстротой советским обществом, имела вполне земные основания, не имевшие ничего общего ни с какими идейными мотивами и ни с каким интеллектуальным прозрением.

Правящие верхи предали свою страну и свой народ. Но происходило это на глазах народа, при его попустительстве и даже с его одобрения. Народ как целое стал соучастником этого исторического преступления. Наш народ стал народом-предателем. Он предал свое прошлое, предал тех, кто принес ради него неслыханные жертвы, предал своих потомков, предал сотни миллионов людей на планете, смотревших на него как на образец, опору и защиту. Пройдут годы, может быть века, и наши потомки осудят нас как предателей, подлецов, дураков, шкурников, холуев, трусов, капитулянтов. И проклянут нас. И это будет справедливо, ибо мы заслуживаем такой суд.

Слово «коммунисты» превратилось в идеологический ярлык, который навешивают на тех людей в бывших коммунистических странах, поведение которых не соответствует планам и желаниям западных организаторов погрома этих стран и их коллаборационистов в этих странах. Если что-то идет там не так, как хотелось бы и на что рассчитывали, вместо объективного анализа причин молниеносно находится «объяснение»: это недобитые коммунисты пытаются повернуть колесо прогресса, вспять. И миллионы людей охотно верят в эту идеологическую ложь. Зачем прилагать усилия к познанию истины?! Знание истины ко многому обязывает. В какой-то мере пробуждает совесть, А тут — и думать не надо, все вроде бы ясно — коммунисты виноваты, и совесть чиста, ибо они — исчадия ада.

Кто такие коммунисты на самом деле? Люди, искренне веровавшие в коммунистические идеалы? Если таковые были когда-то, то их уничтожили в сталинские годы, в самом их начале. Я за всю свою жизнь в Советском Союзе ни разу не встретил подобного рода фанатиков. В большом количестве существовали такие индивиды, вера в коммунистические идеалы которых была их профессиональной обязанностью, — это были всякого рода партийные работники, пропагандисты, преподаватели марксизма и т.п. Члены партии? Но в ту партию люди вступали вовсе не из одержимости идеями коммунизма. Одни вступали из карьеристских соображений, другие — с искренним желанием участвовать в общественной жизни страны и добиваться улучшения условий жизни рядовых людей. Но при всех обстоятельствах идеи коммунизма, соответствующие символы играли тут роль чисто формальную, организующую. Работники партийного аппарата? Но это были функционеры государственного, аппарата, его стержневой части. В это множество следует включить и всю партийную номенклатуру, которая за редким исключением состояла из активных членов партии. Работники идеологического аппарата? Они были марксистами по профессии. Число их было огромно. Только самые глупые из них были искренними приверженцами идеалов. Советские люди, которых устраивал коммунистический социальный строй и которые были приучены жить в нем, как в своей родной стихии? Таких были десятки миллионов. И во всех упомянутых категориях граждан советского общества имело место критическое, во многих случаях даже не в меру негативное отношение к идеям коммунизма, марксизму, к самому советскому социальному строю. Одним словом, слово «коммунист» всегда, насколько я помню, было многосмысленным, употреблялось в исключительных случаях, никогда не характеризовало какие-то категории людей по существу. Но оставим в стороне этот словесный фетиш. Посмотрим, как вели себя в рассматриваемый период люди, к которым в какой-то мере это слово приложимо. Идеи перемен в обществе созрели прежде всего в самых верхах партийного руководства и в кругах обслуживавшей его интеллектуальной элиты, которая почти полностью состояла из членов партии и партийных функционеров.

Когда стало ясно, что позитивные намерения перестройки потерпели полное банкротство, а негативные следствия горбачевских реформ стали принимать разрушительно-катастрофический характер, консерваторы из высшего партийного руководства не обратились к широким слоям населения или хотя бы к массам рядовых членов партии. Они пытались действовать закулисными методами, как заурядные работники бюрократического аппарата, волею исторической случайности получившего название коммунистического.

Большинство партийных функционеров поддержало исключение из Конституции СССР пункта о руководящей роли КПСС, о ликвидации монополии КПСС на власть, о допущении многопартийности.

Никто из работников партийных комитетов не оказал сопротивления, когда начались погромы их. Из партии стали выходить десятки и даже сотни тысяч ее членов, причем самых карьеристичных, в свое время преуспевавших за счет своей партийности и сделавших карьеру даже в партийном аппарате.

Члены ГКЧП, предпринявшие неудачную попытку остановить движение страны к катастрофе в августе 1991 года, пришли к высшей власти как реформаторы, как сторонники Горбачева. Будущие противники Ельцина во главе с вице-президентом Руцким и председателем Верховного Совета РФ Хасбулатовым защищали «Белый Дом» от «путчистов» в качестве активных членов ельцинской команды. Руцкой лично арестовал члена ГКЧП Крючкова, бывшего председателя КГБ СССР. Всех их с одинаковым правом можно считать коммунистами. И всех их бессмысленно считать коммунистами.

Бывшая партийная элита молниеносно «перестроилась» в директоров частных и совместных предприятий, учредителей банков и бирж, используя свои номенклатурные связи. Им ничего не стоило поменять традиционные портреты Маркса и Ленина в своих кабинетах на знаки своих новых фирм. После роспуска КПСС многомиллионная армия членов КПСС без единого протеста признала это как заурядный факт текущей рутины.

В руководстве нынешних коммунистических партий нет ни одного партийного лидера, еще недавно мелькавшего на экранах телевизоров и в прессе, нет ни одного члена Политбюро и ЦК КПСС. Их место заняли люди, пришедшие снизу. Эти партии мало что общего имеют с прежней КПСС. О каком тут коммунизме может идти речь, если один из лидеров этих «коммунистов» счел необходимым следовать формуле «Самодержавие, православие, народность!» Эти партии не поддержали восстание Верховного Совета в сентябре—октябре 1993 года, приняли участие в референдуме по поводу явно антикоммунистической конституции и в выборах в Государственную Думу.

Участники демонстраций и митингов с красными знаменами и портретами Ленина и Сталина в большинстве вообще не были членами партии и тем более партийными работниками. Это были в основном люди, больше всех, пострадавшие от кошмара горбачевских и затем ельцинских реформ. Защитники «Белого Дома» и жертвы его обстрела вообще не имели никакого отношения к коммунистам.

Нет надобности продолжать. Реальные факты буквально вопиют о том, что слово «коммунисты» не дает абсолютно ничего для понимания советского общества и всего того, что с ним стало происходить начиная с 1985 года. Оно лишь вводит в заблуждение. А в западной идеологии упорно навязывают этот идеологический штамп, боясь того, что отказ от такого рода средств обмана может обнаружить неприглядную истину событий в России и неприглядную роль Запада в них.

Раскол реформаторов

С самого начала своей деятельности сторонники Горбачева проявили половинчатость, непоследовательность и нерешительность в проведении провозглашенных реформ в жизнь. Это было обусловлено не столько личными качествами Горбачева, сколько свойствами реформируемого общества, возможностями власти и характером предпринимаемых преобразований. В силу этих условий лишь разрушительная часть перестройки могла быть успешной. Что же касается её позитивных намерений, они не могли удасться при любых реформаторах. Сначала виновников этого видели в консерваторах. Но вот консерваторов сбросили с высот власти, а также и на более низких уровнях. Никаких помех для успеха преобразований вроде бы не стало. А успехов все равно не было. Естественно, теперь виновных стали искать среди тех, кто оказался на правом фланге правящих сил, — среди умеренных реформаторов, возглавлявшихся Горбачевым. Наметившееся с самого начала различие умеренных и радикальных реформаторов теперь должно было по законам политической борьбы за власть дойти до их раскола и противопоставления как новых консерваторов и последовательных реформаторов. Так и случилось. Лидер радикалов Б. Ельцин и ряд других радикалов, занимавших высокие посты, вышли из КПСС. Ельцин сделал это в духе современной склонности к мировым сенсациям, т.е. демонстративно (на XXVIII съезде КПСС).

Поскольку консерваторы ступались, главным объектом нападков со стороны радикалов стали горбачевцы и особенно сам Горбачев. Он становился самой ненавистной фигурой в стране. Став президентом Российской Федерации, Ельцин вообще сделал основой всего движения радикалов (демократов) борьбу против центрального правительства и борьбу за свержение Горбачева, дабы самому занять его место лидера перестройки. Борьба за личную власть на высотах власти затмила собою проблемы, из-за которых вроде бы затевалась перестройка.

Началось заметное оживление консерваторов и явное поправление сторонников Горбачева. Его непоследовательность и нерешительность стали очевидны для всех. К концу 1990 года многие констатировали эволюцию Горбачева в сторону консерватизма, которую на Западе стали расценивать как движение к диктатуре.

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 24—25 апреля 1991 года, обнажил ту расстановку политических сил в стране, которая имела место с самого начала перестройки: консерваторы, радикалы и центристы. Горбачев определил свою позицию как центристскую, назвав позицию консерваторов правым авантюризмом, а позицию радикалов — левым авантюризмом. Очевидно, школа комсомольского активиста в сталинские годы и партийного функционера в брежневские не прошла даром!

Пленум констатировал факт катастрофического состояния страны и признал, что причины его кроются не только в наследии прошлого, но и в «просчетах» политики перестройки. Хотя пленум подтвердил приверженность партии перестройке как курсу на обновление общества, было очевидно, что в стране наметилась сильная тенденция к контрперестройке. Это не ускользнуло и от внимания западных дирижеров. Горбачев в телефонном разговоре с президентом США Бушем заверил его в твердости своего намерения продолжать прежний курс. Заверил, как в свое время заверял Партию и Правительство преданно служить делу коммунизма. Но это уже не могло ввести в заблуждение его западных хозяев.

Со временем, я уверен, все материалы, касающиеся событий в Советском Союзе в рассматриваемый период, будут преданы гласности, и на Западе будут гордиться тем, что львиная доля в их организации принадлежала западным политическим стратегам и соответствующим службам.

Продолжение следует